

СВЕТЛЫЕ ЗВЁЗДЫ ДЕТСТВА

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
К БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
БУДЬ ГОТОВ!

Пионерская ПРАВДА

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВАКСМ
И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 48-й | Вторник, 30 мая 1972 г. | Цена 1 коп.

Ирина ЛЕВЧЕНКО, Герой Советского Союза

ВЬТНАМ. Красивы ночи у тропика Рака. Звёзды крупные, яркие и близкие. Как будто где-то в глубине очень чёрного неба они подвешены на невидимых нитях. Звёзды словно покачиваются. А может, это ощущение покачивания оттого, что вздрагивает под американскими бомбами вьетнамская земля?

Ночью едем на газике без света. От звёзд светло. Чёрная тень закрывает звёзды — самолёт! И тогда со зловонным шипением летят к земле бомбы.

Но бывает и тихо. И вот тогда слышишь неадекватно: поющие детские голоса...

Героический народ Вьетнама бережёт своих детей: школы и детские сады спрятаны под землёю. Это не убежища на случай бомбёжки, это целые подземные посёлки, и в них — школы.

В классах стоят настоящие парты, классные доски. Разве только учебный день распределён чуть-чуть иначе, чем у нас в мирные, счастливые ребята дни. Уроки начинаются поздно, потому что утром дети спят. Спят оттого, что по ночам вместо сна они занимают гимнастичкой и... поют. Не удивляйтесь — ночью вьетнамские дети поют, и это вовсе не от романтической любви к прекрасным звёздам у тропика Рака. Ночью чаще промежутки между бомбёжками. Ночью с высоты своего полёта разбойник на самолёте не сумеет разглядеть ребятнишек и не обстреляет из пулемёта, не

бросит бомбу. Ночью воспитатели и учителя выводят ребят на улицу подышать свежим воздухом. А чтобы лучше дышалось, чтобы глубже дышалось, нужны и гимнастика, и песни.

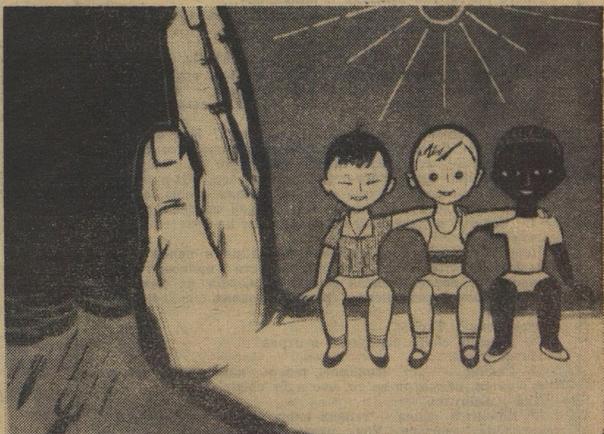
Вьетнам бережёт своих детей. Дети, несмотря на все трудности, принесённые разбойничьей войной, должны расти здоровыми, крепкими и образованными гражданами своей героической родины, чтобы после победы стать грамотными рабочими, крестьянами, инженерами, агрономами. Им, сегодняшним пионерам Вьетнама, предстоит поднимать из военной разрухи свою страну.

Всё это так близко нам, прошедшим Великую Отечественную войну.

До войны я была комсомолкой, училась в девятом классе и была пионервожатой в шестом. Пионеры писали мне на фронт письма, а мы отвечали им всей нашей ротой. Мы писали тогда: «Помните: стране нужны грамотные бойцы мира. Когда закончится война, Родине нужны будут инженеры, архитекторы, командиры новых строек. Ими будете вы, ребята. А для этого вы должны не просто хорошо, а очень ответственно учиться».

И пионеры Великой Отечественной учились здорово в сложных условиях.

...Ступеньки в глубокий подвал обледенели. В подвале холодно. На нутрах снарядных ящиках сидят ребята: от первоклашек до семиклассников. Дети заматываны всё ёлочкой, что нашлось у солдат. В озябших пальцах — огрызен карандаш.

Учительница — молоденькая и усталая — ведёт урок. В нём всё есть сразу, для всех классов — и азбука, и чтение по слогам, и сочинение по рассказу Алексея Толстого «Русский характер». Это не новая программа. Это о собо я программа. Потому что с улицы, сверху, доносится непрекращающиеся грозовые шумы боя. Потому что это Сталинград в месяцы героической его эпопеи.

Наша Родина берегла своих ребят. А беречь вовсе не значит только прятать. Беречь — это и учить, чтобы выросло грамотное поколение достойных граждан СССР.

Но случается и так, что нужно сплывать от беды. Недавно в мирное наше счастливое время случился в одном далёком заполярном городе пожар. Страшный пожар — город весь был деревянный, а лето выдалось сухое и жаркое. Многие остались тогда без крова. Советское государство предоставило ребятам бесплатный пионерский лагерь на всё лето. А взрослым — тоже бесплатно — разборные до-

ма. Собирали эти дома комсомол города. И к учебному году ребятишки вернулись загорелые, окрепшие в новые квартиры. Говорят, в том учебном году было, как никогда раньше, много хороших отметок.

Я снова вспоминаю то наше солдатское письмо августа сорок первого года пионером моего отряда, вспоминаю и повторно его вам, двадцатипятимиллионной пионерки: учитесь, учитесь не просто хорошо, но ответственно. Для дела мира, для процветания нашей Родины нужны грамотные труженики — рабочие, колхозники, учёные и педагоги, а все вместе — строители коммунизма. Ими будете вы, ребята.

Первое июня — День защиты детей, день борьбы за ваше счастье, чтобы всегда было солнце, всегда было светлое небо.

Нөг в мире танога зало, который внесли бы всех честных людей нашей планеты, готовых сделать всё, чтобы вы были счастливы, ребята.

В ДРУЖИНЕ такой обычай: презиает в школу гостя, и ребята непременно называют ему свой город, идут на набережную Днепра. И тут невольно вспоминается знакомое слово: «Чуден Днепр при тихой погоде...»
...Мы идём по берегу славного Днепра, и ребята рассказывают мне о школе, о себе, о своих трудностях и победах в этот юбилейный пионерский год...

САМ СЕБЯ ПОБЕДИЛ

(Рассказывает Вася ДИДЕНКО, 6-й «В»).

Собрался в конце первой четверти совет дружины, и всем стало ясно: мы совсем сбился с пути, какое уж там путешествие в «Страну Знаний» — сорок пять неуспевающих в дружине. Что же делать, как помочь ребятам?

Срочно провели рейд «скорой помощи» и убедились: ребята не только ленятся, многие из них просто не умеют учиться. И тогда вместе с учителями, пионервожатой создали в школе... школу «Учись учиться».

Первым разговор был такой: «Хочешь стать лучше? Сотвори себя сам!» Вспомнили заповеди русского путешественника Арсеньева, он завещал их своему сыну. Особенно понравились такие: «Побеждать дурные привычки всегда лучше сегодня, чем завтра», «Жизнь твоя будет такой, какой ты её сделаешь сам».

Потом каждый написал задание самому себе и вложил листок в конверт с надписью: «Совершенно секретно».

И вот сейчас в конце учебного года конверты вскрыты. Задания оказались самые разные: и смешные: почерки, «Получить по физике пятёрку». Были и интересные: «Научусь чисто умываться и не быть соней».

Мы все переходим в седьмой, и каждый доволен, что сам себя победил.

СИНЯЯ КНИЖЕЧКА...

(Рассказывает Олег КОЗИС, 8-й «В»).

Этот год был у меня радостным. Лежит в моём кармане маленькая книжечка. На голубом фоне — золотой серп и молот, а чуть повыше самолёт нарисован. Для меня эта книжечка — очень дорогая. Я хочу стать лётчиком.

Есть в нашем городе летное училище, и многие ребята мечтают после школы поступить в него. А однажды я услышал, что горком комсомола организовал при училище юношескую школу «Крылья Родины». Не верю я, что меня примут, но совет дружины поручился за меня...

Вместе с другими ребятами (а нас было около ста человек) мы приходили по воскресеньям в училище и изучали устройство самолёта, топографию, строевую подготовку. И так два года. Дисциплина там очень строгая. Другие наши ребята занимаются в кружке разведчиков. В кружке интересно, ребята изучали там рацию и стали победителями «Зарницы».

Летом я к дяде поеду, он на аэродроме работает. Буду ему помогать, ведь в моём удостоверении сказано: «Может быть допущен к обслуживанию самолёта по специальности моториста...»

ОСТРОВ ПОХОЖ НА ДЫНКУ...

(Рассказывает Коля ДИМКАОВ, 6-й «Б»).

Мы часто ходим в походы. Особенно я люблю путешествовать с моим другом Володей Заниздрой. Недавно отправились мы на неизвестный остров, похожий на дынку. Переправлялись без особых приключений.

Мы робко пробрались через заросли и напали: «С пути не сбиваться, друзья!» И тут вдруг увидели пролив, который разделял наш остров пополам. Это был очень загадочный пролив: Когда мы переправлялись через него — вода была по пояс. А когда уходили обратно — воды прибавилось столько, что не доставали дна. Эту загадку мы скоро разгадаем. Нам поможет Август Павловна, наша учительница по географии. В каникулы мы отправляемся с ней вниз по Днепру и обязательно исследуем этот остров.

Записала К. БРУНОВА.
(Наш специальный корреспондент).

Полтавская область,
г. Кременчуг, школа № 19.

БОРЕМСЯ ЗА ВАШЕ СЧАСТЬЕ, РЕБЯТА!

ШКОЛА В ПЕЩЕРЕ

ЧЫОНГ ДОНГ САН, боец Народных вооружённых сил освобождения Южного Вьетнама.

Моего друга Тхо вызвали к командире. «Важное боевое задание. Нужно организовать школу для ребят», — сказал командир.

Тхо обиделся: «Разве я не могу сражаться с врагом? Да, я был тяжело ранен. Но сейчас готов снова встать в строй».

— Послушай, Тхо, — сказал командир. — Я понимаю тебя. Но надо сделать так, чтобы ребята в освобождённом районе учились.

Тхо посоветовался со мной. «Что делать? Как организовать школу?» Думали всем отрядом. Если построить школу в джунглях — вертолёты карателей вылом её обнаружат. Нужна пещера. Она укрыет ребят от бомбёжек. Так и решили. Тхо нашла большую сухую пещеру, сделал столы, скамейки, классную доску. В классе над доской повесил портрет В. И. Ленина, подаренный отрядом одним из советских журналистов.

Через неделю после приказа командира в новой школе начались занятия. Тхо сам до рассвета привозил ребят в школу, а после занятий ночью провожал их домой по еле заметным партизанским тропам, охраняя школынчиков от карателей.

Я спросил у Тхо: «Хочешь снова вернуться в отряд? Он подумал. — Сейчас — нет. Понимаю теперь, как важно, что ребята учатся, несмотря на то, что идёт война. Тхо улыбнулся.

— Кончится война — страна наша будет свободной, и я тоже пойду учиться. Хочу стать архитектором. Хочу построить для ребят школу. Большую, светлую школу.

ПАМЯТЬ

Я родился в Испании, в северной провинции Астурия. Мой отец был профессиональным революционером, членом Коммунистической партии Испании.

Мне было девять лет, когда над Испанией нависли чёрные тучи фашизма. Вместе с отцом ушёл на фронт и мой старший брат Мануэль. В самые тяжёлые дни наши люди с надеждой и любовью произносили слово «советский». И однажды мама сказала нам: «Скоро вы поедете в Советский Союз. Там вам будет хорошо...»

Помню её лицо, когда она смотрела на нас с причала, и лица ленинградцев, встречающих наш пароход. Нас обнимали и ласкали как родных.

Советские люди спасли наше детство дважды. Они увезли нас из Испании, а потом от бомбёжек и голода во время войны на Урал и здесь делились, как с родными, последним. А старшие

наши ребята отказались от эвакуации. Они остались защищать Ленинград. В боях за город Ленина погиб Анхель Мадеро — наш старший товарищ.

Теперь я живу в Дивногорске, на Енисее. Здесь я строил свою первую ГЭС — Красноярскую. Мои турбины дают ток, дают жизнь многим заводам и городам. Я думаю о будущем своей маленькой дочери Кармен и знаю, что оно будет счастливым. Но я не могу быть спокойным, пока на далёкой моей родине — в Испании — многие дети не знают детства, пока на земле Вьетнама бомбы падают на школы. И я, и мои товарищи — мы работаем для мира. Чтобы все дети на земле были счастливы.

Л. ГАРСИА, член Компартии Испании, главный инженер участка «Гидромонтаж». Красногорский край, г. Дивногорск.

ИГРЫ ПОД КОЛЁСАМИ

Итальянская газета «Паэзе сера» провела опрос среди юных читателей. Тысячи ребят написали в газету, каким они представляют себе будущее. Девятилетний Даниэле Франкни написал: «Я хочу, чтобы для нас строили парки и сады, где мы могли бы кататься на качелях и играть. Сейчас нам приходится играть прямо на улице...» Месяц спустя Даниэле сам оказался в больнице: на него налетела машина.

В Риме остались всё меньше места для детей бедняков. Жадные до нажмы домовладельцы стараются строить дома на любом свободном клочке земли.

Товарищи пришли в больницу навестить Даниэле. (Снимок из газеты «Паэзе сера».)

Против такого положения выступают итальянские коммунисты. Выступая на празднике, который газета «Паэзе сера» устроила для ребят, писатель-коммунист Джанни Родари сказал: «Вы молодцы, что написали нам. Теперь мы знаем, что вы думаете не только об игрушках, но и о том, чтобы у вас было хорошее жильё, чтобы у ваших родителей была работа, чтобы для вас строили парки и сады. То, что вы требуете, должно принадлежать вам. Наша газета будет помогать вам».

А. МАРЧУК.

Вильда Рохас — коммунистка. Председатель пионерской организации Чили. Недавно наш корреспондент В. Чуванов встретился с товарищем Рохас в Москве, попросил рассказать, что сделало правительство Народного единства для детей Чили.

ВСЁ ЛУЧШЕЕ — ДЕТЯМ

Франциско Эррера Наварро тринадцать лет. Ещё недавно он жил в пригороде Сантьяго. Каждый день на дорогу в школу Франциско тратил несколько часов. Мать его работала прачкой, отец — безработный, и Франциско часто приезжал в школу босым и без завтрака. Другие бросали школу и шли зарабатывать деньги. Франциско выдержал. Очень хотел учиться. Его семья жила в бараке. Времени на приготовление домашних заданий у него почти не было. Занятия в школе кончались в четыре часа дня. А возвратившись домой, он должен был помогать отцу. Уроки делал в электричке.

После победы Сальвадора Альенде на президентских выборах положение круто изменилось. Отец Франциско получил работу в мастерской, и мальчику больше не нужно было работать по вечерам. В школе ему дали бесплатные учебники. Он завтракает и обедает в школе. Правительство выделило бесплатные автобусы, которые привозят детей в школы. Этим летом Франциско и его семья получат путёвки в санаторий. Раньше Франциско об этом и не мечтал. Правительство Народного единства ввело для детей бесплатное медицинское обслуживание. А летом лучшие ученики из бедных семей будут отдыхать в Вилья-дель-Мар, где раньше жили только миллионеры.

Каждый месяц в стране строится несколько школ. Мы хотим, чтобы все дети Чили учились.

Всю свою жизнь коммунист Луис Карлос Престес борется за счастье детей. Недавно товарищ Престес посетил Московский Дворец пионеров.

НА СНИМКЕ: юные интернационалисты Москвы повязывают руководителю Бразильской компартии красный галстук.

Фото И. ГОЛДБЕРГА.

ЛАМПА МАНУЭЛЯ

ПОМПИН РИКАРДО ГАРСИА — главный редактор кубинской газеты «Пионер».

Мануэлю Аскусниа было 16 лет, когда он, сменив винтовку на лампу «фароль», отправился в горы учить крестьянских детей грамоте. Товарищи говорили Мануэлю: «Возьми оружие. В горах ещё бродят банды недобитых наёмников янки».

— Зачем? — отвечал им Мануэль. — Моим оружием теперь станут книги и классные доски. Да вот ещё эта лампа. И если пламя в ней погаснет, другие зажгут его снова.

Полгода работал Мануэль в школе. Добрая посёлка. Но не всем нравилось его упорство.

Однажды ночью, когда Мануэль сидел за тетрадями своих учеников, раздался выстрел. Бандиты ворвались в дом. Мануэль стоял в окружении врагов. В ногах валялся разбитая лампа. Свет карманных фонариков слепил глаза. А потом новые выстрелы разорвали тишину...

Сегодня личные вещи Мануэля и его лампы хранятся в музее ликвидации безграмотности. Музей открыт в школьном городке «Свобода». Каждый год 22 декабря на главной площади страны — площади Революции в Гаване — обязательно поднимается красное знамя с изображённой посредине раскрытой книгой. На Кубе сегодня нет неграмотных. Вот что дал мой родине социализм, революция.

В этот день все дети острова Свободы приносят учителям сувениры, сделанные своими руками. Чаще всего это лампа «фароль». Боевое оружие учителей-добровольцев — символ образования, символ мужества.

ПЕДРО ИЩЕТ РАБОТУ

Отец Педро, как и все бразильские бедняки, арендовал клочок земли у помещика. Участок маленький. Почва каменистая. С утра до вечера трудился на поле отец.

Педро, как мог, помогал ему. А когда поспевал урожай, приходил помещику и почти всё забирал себе.

— Сын мой, — говорил часто Педро отцу. — Если бы земля хорошо родила, я скопил бы немного денег и выкупил этот участок у помещика.

Педро вспомнил, что учитель рассказывал ему о портовом городке Ресифи. «Вот где я зарабатую денег», — решил

Педро. Он уговорил ещё трёх своих товарищей ехать с ним. Отцу сказал:

— Заработаю денег, чтобы уплатить за аренду земли, и вернусь.

Ресифи встретил друзей равнодушно. Все куда-то спешили, и никому не было до них дела.

— Эй, приятель! — остановил Педро какого-то парня. — Как нам пройти в порт?

— В порт? А зачем тебе? — удивился парень.

— Мы хотим там работать, — ответил Педро.

— Работать? — рассмехался незнакомец. — Ты что, с дуны свалился? Тебе сколько лет?

— Двенадцать. — А мне двадцать пять. И четыре из них я жду работы в порту. Вот тебе мой совет: возвращайтесь туда, откуда приехали.

Ребята не поверили незнакоmu. Но проходили дни, недели, а работы всё не было. Ребята питались отбросами из мусорных ящиков, спали на улице. Через некоторое время ребята разыскали их учитель. Он предложил вернуться домой, но ребятам стыдно было возвращаться, не выполнив обещания.

В. АНДРИАНОВ (АПН). (Специально для «Пионерской правды».)

РАДИ МИРА НА ЗЕМЛЕ

Уже первые советско-американские соглашения, подписанные в Москве, привлекли внимание всего мира. День, когда в Кремле были подписаны Договор об ограничении систем противоракетной обороны и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений, войдёт в историю. Договор и соглашение 26 мая подписали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Президент США Р. Никсон.

Первым декретом Советской власти был Декрет о мире. Широкий отклик встретила программа мира, принятая XXIV съездом КПСС. «Мы, — говорил на съезде товарищ Брежнев Л. И., — выступаем за ядерное разрушение всех государств, обладающих ядерным оружием...» Документы, подписанные в Москве, — продолжение ленинской политики мирного сосуществования.

Впервые две крупнейшие державы мира договорились ограничить производство и применение самых опасных и дорогостоящих видов оружия. Сделан важный шаг на пути к полному разоружению.

Президент Никсон посетил Пискаревское мемориальное кладбище в Ленинграде. В одном из залов музея он прочитал дневник ленинградской школьницы Тани Савичевой. Выступая на следующий день по Центральному телевидению, Р. Никсон сказал: «Дайте делать всё возможное, чтобы ни одному ребёнку не пришлось пережить то, что пережила Тania, чтобы ваши дети, и наши, и все дети мира могли вместе прожить всю свою жизнь в дружбе и мире».

Многие годы правительство Соединённых Штатов торжественно торговало с Советским Союзом. Создание смешанной советско-американской комиссии по вопросам торговли — ещё один шаг к взаимопониманию между нашими странами.

Внимательно следят за визитом Президента Никсона в Москву в Соединённых Штатах Америки. Деловые круги, политические деятели, профсоюзные лидеры одобряют заключённые соглашения. В наши дни уже нельзя обойтись без «общения с русскими», написал американский журнал «Ньюсвик». Потребовались, однако, долгие годы, прежде чем в Америке осознали, что без Советского Союза невозможно решить ни одного крупного международного вопроса.

Советский Союз последовательно осуществляет программу мира, принятую XXIV съездом КПСС. Советско-американские переговоры — лишь часть этой программы. Программы мира и дружбы между народами.

УТРО было тихое, ясное. Петухи голосили. Володя выбежал из дому. Он зашагал к островерхому террикону, от подножия которого начинался школьный двор. И со всех сторон туда же потянулись ребята.

Мальчишки бежали по двору. Жёлтый лист оторвался с высокой ветки и заляпсал над головами. Дети смеялись, сталкивались друг с другом, ловили лист.

— Вот что, ребята, — сказал Володя, — есть предложение: давайте перенести на другой день. А сегодня выступаем в поход.

— Ур-р-ра!

Сбегаи домой за бутербродами, переоделись и зашагали цепочкой по дороге. Пионеры, а впереди их вожатый Володя Леонов.

Люба постояла у забора, пряча под ладошкой серые тревожные глаза. И вернулась в дом. В комнатах было тихо, словно и не живёт тут семья из одиннадцати человек. Люба пошла на кухню, достала большой газ. Налила в него тёплой воды. Опустила в воду тарелку, потом другую, третью... На столе росла ровная стопка чистой посуды.

Потом был обед. Ещё раз вымыта посуда. Потом собрались сестанты — «братья» и «сёстры». Тихие, тёмные, словно тени. Пели жалобно и протяжно о том, что бог — это любовь и надо любить ближнего своего. Плакали. И Любине глаза наполнились слезами: «Я люблю тех ребят, что шли сегодня по дороге. Почему даже в классе я должна сторониться их?»

ЗВОНОК с последнего урока. Люба собирает книжки. Секунда — и она исчезает, как всегда, незаметно. А в классе суета. Председатель совета отряда Коля Булавиннов прибежал возмущённый:

— Всех в хор записывают, а нас не хотят!

— Нас? Не хотят? — И тридцать пять человек, словно рой сердитых пчёл, сорвались с места. Любу окружили и понесли.

— Запихите нас! — сказал Коля. — Нас, пятый класс. Мы и металлолома больше всех собрали, и отстающих у нас нет.

И что же, вы все будете петь?

— Все до одного! — отрезал Коля и оглянулся. Взгляд его упал на Любу. Люба кивнула.

ПРИШЛА ЗИМА. Ветры подули. Сиди дома за холодным стеклом. Слушай, как тикают часы. Девочки сегодня договорились пойти в кино. Мороженое есть будет. Грешно...

У соседей телевизор. Грешно... Мальчишки «По-веселу о Зое и Шуре» читают. Грешно, грешно... А Серёжка из седьмого класса много читает, хотя дню ему и не влетит. Володя ему ключи от пионерской комнаты дал.

Однажды пришёл Серёжка в школу, снял шапку. На себя не пожох. Чуб выстрижен, а с боков патыли неровные.

— Отец стриг, ножницами. Так, говорит, надо. Под багиста, значит... — вздохнул Володя. — Из ничего. После уроков сбегает в парикмахерскую.

И сбегали. Только напрасно. Снова взял отец ножницы — стриг ярвиль и вкось...

— Не горой, Серёжа, — сказал Володя. — Немного обрастёшь, снова в парикмахерскую пойдём.

Грех... Не дрожит Володя за свою «бессмертную» душу. Любит он своих близких.

ОДНАЖДЫ в коридоре появилось объявление: «Кто ещё не видел, как делаются чудеса, приходите в клуб атлетств!»

Ну и набежало народу! На столе колбы, пробки, спиртовки.

— Напрасно попы отрицают науку. Наука издавна помогала им обманывать народ. Хотите посмотреть, как «святым духом» возгораются совсем негорючие предметы?»

«Дух» из 10-го класса не оплошал. На глазах уважаемой публики он зажжё... — стекло!

— Может быть, сами хотите попробовать? Люба не заметила, как очутилась у стола.

В руке у неё оказалась стеклянная палочка, горячая, словно свечка...

— Люба, — сказал Володя, когда «чудеса» кончились и все поднялись с мест, — а не пора ли тебе вступить в пионеры? Мы поддержим. И брат, он ведь у тебя комсомолец. Подумай.

...Говорят, это был самый замечательный день. В пионеры Любу готовил весь отряд. Волновались. Люба ходила по коридорам, и ноги сами то и дело приносили её к пионерской комнате.

Во время большой перемены Любу позвали. Она вышла. Ребята в белых форменных рубашках выстроились, как на параде. Володя снял свой галстук и повязал его Любе.

— К борьбе за дело Коммунистической партии будь готова!

— Всегда готова! — И тонкая Любина рука взлетела в пионерском салюте.

— По-здрав-ля-ем! — прокричали тридцать пять звонких голосов.

— Она была радостная и немного грустная, — вспоминает тот день председатель Коля. — Наверное, о родителях думала. Что они скажут?

Что бы они ни сказали, Люба — пионерка! Она так решила, и её товарищи решили так. А знаете, какой девиз у отряда имени Лени Голубова, членом которого стала Люба Барановская?

«Пионер, всегда будь смелым, Не бросай на ветер слов. И проверь слово делом Будь готов!»

Всегда готов!.

(Наш специальный корреспондент. Донская область, Хапкинское.)

Б. АСКАРОВА.

Грант МАТЕВОСЯН

ЖДЕТЬ

ОТЕЦ, прихватив топор, шёл чинить сарай. Мать, подвязавшись передником, шла в поле убирать картофель. Дядя, закинув на плечо грабли, шёл в горы собирать подсушившееся сено. Я сидел на коряге у нас во дворе и под тёплым солнышком, откусывая от краюх хлеба, читал книгу о приключениях.

День был воскресный. Уроки на завтра все были выучены. Учителя в школе ставили мне пятёрки по армянскому, по русскому, по математике, по географии — по всем предметам без исключения я получал один только круглые пятёрки. Книга про приключения была хорошая книга. Мой отец был хороший отец. Моя мать была очень любима. Мой дядя был сильный и красивый мужчина. Ласточки из-под карниза нашего дома летали в другие края вместе с журавлями. На сад, и на лес с тихим шелестом опускалась осень. Если бы не наши свиньи, которых два дня уже нигде не было видно, в мире всё было бы прекрасно в данную минуту.

Отец с топором под мышкой, мать с подвязанным передником, дядя с граблями через плечо — все они кидали на меня ласковые взгляды и втайне восторгались, что ребёнок их растёт, вот он подбер щёчку рукой и читает книгу. Перед тем как отправиться в поле, мать подумала: сказать или не сказать? И решила не говорить, не мешать сыну, пусть растёт учёным, пусть спокойно себе читает книгу. Отец подумал: попросить или не попросить? И тоже решил не просить, пусть сын читает, пусть ест хлеб и читает. Я читал и чувствовал, что они хотят мне что-то сказать, но я делал вид, что ничего этого не за-

мечаю, а только вот сижу и читаю книгу про всякие разные там приключения, потому что хорошо, до чего же хорошо, когда в книжках другие идут и мокут под дождём, и дерутся, и терпят поражение, а потом побеждают, и плохо, ужас как нехорошо, когда ты сам должен идти куда-то, уставать, искать и находить или не находить заблудившихся в лесу — где же ещё! — свиней.

Сарай надо было непременно починить, картофель надо было обязательно убрать, и сено уже грозило пересушиться. И, значит, мой отец, мать и дядя не могли откладывать эти свои дела, не могли не пойти чинить сарай, собирать картофель и убирать сено. И отец сказал мне:

— Если я попрошу тебя об одном одолжении? Я знал, о чём он хочет попросить, но я спросил:

— О каком ещё одолжении? И очень это было большой позор, что я знал, о чём он хочет меня просить, и делал вид, что не знаю.

— Наших свиней видели на Чистой поляне, — сказал отец.

— Кто видел? — спросил я.

— Лесничий.

— Когда видел? — спросил я.

— Вчера вечером.

Я сумел побороть себя, удержаться и не спро-

сить: «Зачем он их видел?» Я сказал:

— Чистая поляна которая?

— Ты, по-моему, и сам знаешь, которая Чистая поляна.

— Это та далёная, что ли?

Он не ответил, и я понял, что он начинает на меня обижаться.

— Ты хочешь, чтобы я поискал их возле Чистой поляны?

— Я ничего не хочу, — холодно сказал отец. — Наших свиней видели на Чистой поляне. Ну и что? — сказал я.

Он снова не ответил мне, он повернулся, чтобы уйти.

— Ну ладно, — сказал я, — я пойду куда. А если их там не будет?

— Не знаю, — ответил он. Он в самом деле обижался, потому что сам идти на поиски не мог, а я задавал ему вопросы самого что ни есть отъявленного лодыря бездельника.

— Ладно, — сказала я, — это всё я так. Я сейчас пойду. Мягко грело осеннее солнце, и под мягким осенним солнцем хорошо были безмолвные гнезда ласточек и вблизи в саду, на которых ещё держались там-сям одно-два яблока, и тихая улыбка моей матери, и рыжая собака, которая улеглась у меня в ногах и дремала, и красивый грёбень петуха, и дерево черешни, которое издалека стало ни с того ни с сего как-то странно полискивать. Я взглянулся в черешню, увидел желто-брюхую пташку на ней — этой поздней осенью

Окончание. Начало см. на 3-й стр.

она отыскала на дереве ягоду и пищада от удивления и радости. И я понял, что под мягким осенним солнцем всё красиво и печально и один-единственный урод — это я, потому что вот уже битый час притворяюсь, будто мне позарез нужно читать свою книгу.

И тогда я сказал:

— Книгу и в лесу можно читать.

— Спасибо, ты нас очень выручил, — сказал отец, собака останется сторожить кур, а хочешь, с собой заберу. Спасибо, — повторил он, и мне стало немножечко совестно.

— Собаку, — сказал я, — возьму с собой.

Они надели на меня тёплый шерстяной свитер, который свазала мне мать в зимние долгие вечера, велели переобуться в лёгкие туфли на резиновой подошве, чтобы я, не дай бог, не поскользнулся, и посмотрели на меня ласково, поскольку свитер мне очень шёл и я был их ненаглядным ребёнком. И сказали:

— Тебе с дядей до Слепого родника по пути, дойдёшь с дядей до Слепого родника, там свернёшь на Кустистую тропу, дядя тебе покажет. До Чистой поляны оттуда рукой подать.

Собака идти не хотела. Я позвал её ещё раз, и она медленно поднялась с места и лениво пошла за нами. Она хорошо знала вороватого коршуна из соседнего леса. А вороватый этот коршун из соседнего леса хорошо знал её. Они были давнишние знакомые. Вороватый этот коршун не парил, как все настоящие коршуны, открыто и высоко, он приближался к нашим курам леза метно, перелетая с дерева на дерево, с куста на куст, прыгая в траве. Собака вспомнила, наверное, про это и остановилась. Но я сказал себе, что веду её на важное дело, и подтолзил её к себе свистом. Она плыла за нами несотра, но когда мы вышли из села, обогнала нас и с весёлым повизгиванием и лаем умчалась далеко вперёд. Она стокосовалась по лесу, по свободному бегу, но усталости.

Дома оставался мой письменный стол с книжками, моя настольная лампа с тёплым, приятным светом, моя маленькая библиотека, мягкий говор радио и толстая шаль на моей тахте, связанная из верблюжьей шерсти, чтобы я мог укрыться ею днём, если мне захочется вздремнуть. А в лесу были медведи, слоны, тигры, кабаны, черти, давы, чудища — кроме наших свиней и моего благородства, в лесу было всё. Я шёл медленно, заметно отстав от своего дяди. Я раскрыл книжку и шёл, то и дело заглядывая в неё. Будто бы вот не могу оторваться от книги — такая она интересная.

Возле Слепого родника, где была развилка, собака остановилась, подождала нас. Родник назывался Слепым потому, что из подземных вод с водой вместе он выносил мелкий песок, и этот песок то и дело забивал исток. Исток пораянски — «аки», то есть «глаз». Глаз, очки, окулист, глаз, исток, источник, глаза источников, слепой глаз, слепой родник, — подумал я и сам себе поставил большую жирную пятёрку. Слепой родник опять был полон мелкого песка и тины. С забытым намертво истоком родник, наверное, задохнулся сейчас под землёй.

Мой дядя смотрел-смотрел на заболоченный родник, потом достал из сумки еду, разделил пополам варёную курицу, завернул половину в лаваш, завернул всё это в газету, отдал мне и кивнул в сторону Чистой поляны: тебе туда.

— Хочу пить, — сказал я.

— Там напьёшься, — сказал он, — там, под большим дубом, есть хороший родник. Ступайте.

С растопым лаем собака кинулась бежать по тропе. На секундочку и я обрадовался и тоже побежал. Опавшая листва под ногами хрустела оглушительно громко. И только этот хруст, только он был в моих ушах, когда я бежал. Когда я останавливался, наступала тишина, и среди этой тишины в осеннем жёлтом свете с еле слышным повисом кружились в воздухе листья. Чёрный терек с криком выпрыгнул у меня из-под ног, и снова стало тихо.

Я оглянулся. Дядя стоял на коленях у родника и что-то делал. Углубившись в лес ещё немного, я опять оглянулся. Мне показалось, дядя уже ушёл оттуда, но он не ушёл — склонившись над родником, он что-то, кажется, доставал из него, но различить дядю уже было трудно, потому что дядина одежда и тропа были одного цвета. Я сел за деревом и, чтобы обмануть себя, будто тоже что-то делаю, тоже делом заняв — я раскрыл книжку про приключения. Но читать я, конечно, не читал. Углубившись в книгу, я ждал, когда мой дядя отойдёт от дороги, по которой мне можно будет вернуться домой. А он сидел у родника, курил и, как мне показалось, высматривал в лесу меня. «И чего, спрашивается, сидит без дела, — подумал я, — его дело — искать пропавших свиней, ноё книж-

ЖДЕТЬ

ки читать, я вот читаю свою книгу, а он сидит без дела». И чтобы ещё больше обмануть себя самого, я заткнул уши пальцами и стал смотреть в книгу неотрывно, будто бы читаю, будто бы только читаю.

Слабый отдалённый шелест дошёл до меня. Я поднял глаза от книги и отвёл руки от ушей — шелест был очень близко и звучал очень громко. Но я не успел испугаться, потому что в ту же секунду увидел нашу собаку. Она налетела на меня, подпрыгнула, ещё раз подпрыгнула, взвизгнула и позвала меня в сторону Чистой поляны. И чтобы она не прыгала и не визжала под самым ухом, я отдал ей половину своего хлеба. Она села около меня и подождала: что же я ей ещё делаю?

Белое куриное мясо я съел сам, косточку грудную бросил собаке. Кожину шен съел сам, косточки бросил ей. Честно говоря, есть мне эту курицу вовсе не хотелось. Наверное, потому что я не пошёл искать свиней. Но я всё равно упорно доделал свою долю — невиданно вкусную куриную ножку я обглодал до последнего, кость отдал собаке.

— Получай, — сказал я ей.

Возле родника уже никого не было. Я спустился по тропе к дороге.

— Пошли, — сказал я собаке.

Она посмотрела на меня и не двигалась с места, потому что не верила, что уже пора возвращаться.

— Как хочешь, — сказала я ей, — оставайся тут, дело твоё.

Я дошёл до родника и остановился: в нём не было больше грязи и тины, и сейчас его никак нельзя было назвать слепым. Он был сильно и свободно и от полноводности своей прямотаки приплясывал. Его каменное дно было чистое и синее. Я наклонился и в прозрачной воде увидел свою смуглую и глуповатую морду, и мне стало стыдно. Но мне очень хотелось пить, и я принял к воде. Я не успел понять, что я недопью этого родника, — я уже пил воду. Что этот родник, что это куриное мясо, что этот лас пёс, этот лесной шум и мой отец, и моя матушка — что всё это было очень хорошее, а сам я очень плохой — об этом я не думал, я пил глоток за глотком чистую родниковую воду, мне и в голову не приходило задумываться над такими вещами. Я напился досыта вкусной воды и был очень доволен.

Из лесу до меня донеслись канье-то голоса, и мне показалось, что вроде бы это голоса наших свиней. Когда мне так показалось, мне опять стало невозможно стыдно, но я продолжал вышгивать к нашему дому — к моей тахте, к моему столу, к моему тёпелому углу.

Возле самого села я оглянулся и увидел, что собака идёт за мной.

— Что же ты пришла? — сказал я ей. — Не хотела ведь.

Унёс корзину за это время наших кур или нет, я не узнал. «Курицы — маминю дело, пусть мама проверит, унёс коршун курицу или не унёс, — подумал я, — а я географию на завтра выучил и алгебру сделаю...»

Отец мой сидел на тахте с краю. Значит, спина его снова болела. Но с чего это он так радостно улыбался, было непонятно.

— Что это по радио передают? — спросил он. — Ты знаешь?

— Комитаса.

— Он сам это сочинил или только поёт?

— Сам сочинил, он был композитор.

Отец опять расплылся в улыбку, потом сказал:

— Молодец, что историю хорошо знаешь.

— Кто это тебе сказал?

— Учителя твои. Прингли, помогли мне.

На завтра уроки выучил?

— Выучил.

— Спасибо, — сказал он. — А что свиней не нашёл, не беда. Я сейчас сам пойду приведу их.

— Сейчас не видно, темно уже, — сказал я. — Вчера волк муцеговских свиней в лесу задрал, боюсь, как бы и наших не покалечил.

Он всё хотел подняться с тахты и не поднимался. Он не хотел облокотиться о подушку, но в конце концов не выдержал, облокотился.

— Когда так — не болит, — сказал он. — Ты только на Чистой поляне смотрел или ещё где?

— На Чистой, — сказал я.

— Значит, туда уже не надо ходить, жаль, я-то надеялся, что они там.

— Не знаю, — сказал я, — тропа была листьями завалена, не знаю, Чистую поляну я смотрел или это было другое место.

— Большой дуб с краю поляны был?

— Был. И под дубом родник, — сказал я.

Корчак от боли, он всё-таки встал и пошел шанку — он был такой усталый, что не понимал даже, что держит шанку в руках.

— Жаль, что на Чистой их не было, значит, они ещё дальше ушли, к Глубокой.

— У тебя спина болит, — сказал я. — Куда ты пойдёшь?

Он усмехнулся:

— Когда в тишоте напрягаешь зрение — перестаёт болеть.

— Я с тобой пойду, — сказал я.

Он поглядел меня по голове.

— Ты сегодня находишься, ты поешь и ложись спать.

— Я пойду с тобой, — сказал я.

— Нет, — отрезал он, — ты книгу читай.

В темноте, громко и часто дыша, что-то прошло под окном — это была наша собака, она шла с отцом в лес, чтобы искать в дальних далах и найди, прыгать домом наших заблудившихся свиней, чёй мясо я должен был есть всю зиму и чёй ценой я должен был одеться в тёпелое пальто, получить лыжи, пушистый шарф и шанку-ушанку в придачу...

Мать накрывала на стол. Радио пело тихонечко. В углу горела настольная лампа, на белой скатерти на большом столе красовалась выпеченная на славу белый пшеничный хлеб. Рядом с хлебом — картофель, поджаренный, румяный.

Короткий языками пламени — полыхала наша печь. Тихо хлокотал чайник, и поблескивала рядом с чайной серебряная чайная ложка, а корнчев-ореховое варенье выглядело торжественно и празднично в молочном свете, разлитом по комнате, и ночь была густая и тёплая, и было печальным одинокое подпольное пенне сверчка, которое доносилось то от пещки, то от моей тахты.

Всё это было прекрасно и было создано для меня, но я, я был недостойн всего этого.

— Я ужинаю не стану, — сказал я.

Я забрался в постель и отвернулся к стене. Ко мне подошла мать. Я сомкнул веки. Она укрыла мне спину и пробормотала ласково:

— Намайлось дитё.

Авторизованный перевод с армянского Анаит Баяндур.